

18+

Борис
Ковальков

прогулки по Каэнглум

книга
первая
алиби
убогого
дракона

Борис Ковальков
Прогулки по Каэнглум. Книга
первая. Алиби убогого дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22616138

ISBN 9785448364181

Аннотация

Роман-сказка. Истории опасных приключений и любви. Вернее сказать, в другой очередности: любви – и потому опасных приключений. В городе и легкая прогулка может стать приключением и закончиться не так, как предполагалось в начале. Легкомысленное начало могло продолжиться серьезным образом, что не делало приключение неинтересным.

Содержание

Алиби убогого дракона	5
1	8
2	18
3	22
4	29
5	36
6	41
7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Прогулки по Каэнглум

Книга первая. Алиби

убогого дракона

Борис Ковальков

Александра Приданникова *Корректор*

© Борис Ковальков, 2024

ISBN 978-5-4483-6418-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алиби убогого дракона

Истории бегают по улицам, перебегают из дома в дом, от человека к человеку, потому что эти истории о любви.

Скропотова Галя

– Если вам скажут, что в Каэнглуме можно жить вечно юным и жить счастливо, – Калоян посмотрел на зрителей и улыбнулся, – то это не совсем так. Вечно жить не получится – Каэнглум не космический холодильник. Жить счастливо? Попробуйте... Смотря что вы называете счастьем. В городе можно задать этот вопрос, но вот понравится ли ответ...

Калоян закурил, взмахом потушил спичку и продолжил, выпуская дым в открытое окно:

– Вечной юности? Возможно, но никак не вечного здоровья, особенно душевного...

Он присел на низкий подоконник, посмотрел на город, на море, обернулся и продолжил:

– Может быть, счастье – это когда не мечтаешь о конечной цели? Ведь она часто отодвигается в бесконечность или оказывается совсем рядом – и неожиданно не той, к которой шел. Любке, ты хотел что-то добавить?

Калоян надел плащ, шляпу с короткими полями, поднял воротник и, простившись со слушателями, вышел...

— Иногда мечта сбывается на фоне странных событий, — улыбнулся Виерд Герлофс Любке. — Неужели это и есть признак подлинности?

Гостиница напоминала расколотый поперек и по высоте портновский манекен — темный силуэт торса в арке Новых ворот, как в раме. По боковому плоскому фасаду здания тускло светилась чуть выгнутая линия, расходящаяся книзу; не то трещина, не то разошедшийся шов.

У гостиницы остановился серебряный двухместный автомобиль с длинным капотом. Дверь кабины приоткрылась, но человек не сразу вылез; сидел, опустив ноги в снег, открывая и закрывая дверь, словно проветривая салон. Поискал взглядом вокруг, увидел плоскую фигуру, контурами напоминающую человека. «Э, да это и есть человек, но какой он плоский. Эк его сплющило, прямо выжало».

Владелец серебряного автомобиля ушел к Старым воротам; от них потихоньку пошел в Опустевшую часть города. Через некоторое время вышел на маленькую площадь и остановился у старого двухэтажного здания с новой мансардой. Перед домом вдоль стены стоял ряд мусорных баков. Окна в доме были погашены, как и во всех домах вокруг. Хотя мансарда была новее дома, выглядела она ветхой. Никто никогда не жил в этой мансарде, не было ни подоконных полочек для цветов, ни забытых занавесок за стеклами. Окна были незрячими и пустыми, без выражения, какими они остаются в необжитом доме. Человек откинул полы дорого-

го, капшадтского сукна пальто, засунул руки в карманы брюк и стоял покачиваясь. Подошел к бакам, открыл один, придерживая крышку над собой, нагнулся.

Паром сбавлял ход. Тревожные гудки; мягкое прикосновение буксира-толкача. Порт.

Туман был белым и густым, Любке едва различал кисть руки. Он сидел в палубном кресле у самого борта; провел ладонью по белому лаку поручня, собрал капли тумана и вытер лицо. Встал и подошел к своему окну – в тени подволока верхней надстройки окно отражало пальто, кепи с опущенными наушниками, лицо чуть блее тумана. «Зачем обходить?» Он вжался ладонями в стекло, поднял раму и ввалился в свою каюту. Собрался и вышел на палубу обычным способом.

Подошел матрос в белой форме. «Черное лицо в тумане, как зрачок лисички Орешагги». Матрос помог спустить вещи на пристань, поднялся по трапу, белая форма исчезла, и только облачко черных волос проплыло вдоль борта.¹

«А я был не один на пароме, – заметил Любке, – конечно, была команда, но кто-то еще сошел на пирс, кто-то скольз-

¹ Орешагги. Лисы каньона Расколотой Ели. Из интервью, взятого Дори у лисички Herminetta Blanch ob` Oreshaggy Shytrux:– Мне говорили, что подобные существа: грифоны, кентавры, гвалы, все смешанные – появились после нашего отступничества. – Грифон с тобой не согласится, а гвал съест. Об этом можно узнать в университете. – Вы посещаете университет? – Посещаю. Я же цирковая лиса. – Вы выступаете в цирке? – Вот еще! Я там живу зимой и осенью, летом и весной мы перебираемся в Овраг.

нул в туман по откинутой аппарели». На пирсе стоял маленький отдельный омнибус. «Она сейчас выйдет... Откроется дверца, рука подберет подол платья... Какого цвета? Возница поможет сойти... Она сойдет легко – спорхнет... оглядится, увидит меня, засмеется, но останется на месте... Но нет, никто меня не встречает».

Любке присел на мокрую причальную тумбу, ногу вытянул вдоль троса. Море, как говорили здесь, «дышало», и трос то натягивался, то ослабевал. Из тумана послышалось: «Осторожней!» Любке подобрал полы пальто, послушно снял ногу с троса и встал. Омнибус подъехал. Две лошадки смотрели на Любке, он ответил взглядом, лошадки отвернулись. Возчик спросил:

– Не подвезти ли куда? Еду в Вышгород, но могу сделать крюк через город.

Любке попросил взять багаж и отвезти в гостиницу за Новыми воротами, сам он пойдет пешком. Возчик помог погрузить вещи.

– Вдыхаете? – обратился он к лошадкам. – Проедем по набережной! – (Лошадки подняли уши.) – А в Вышгород вернемся через Поле. Поскачем. Что тащиться по Лангбейн?

Лошадки переглянулись и облегченно шумно выдохнули. Возчик рассмеялся, махнул рукой, и повозка потихоньку укатила в туман. В тумане далеко разносилось тихое рождественское ржание.

Любке пошел пешком. «Войду в город, как настоящий

гость. Как вновь прибывший. Но так и есть! Приезжаю в надежде исполнения мечты. Быть может, исполнится и ее мечта? Ее... Но кто она?»

В порту туман, а в городе шел снег. «Какая же погода будет за Дальними воротами? Ты сказала бы, что небо снегом сыпается на землю. Нет, так сказал один знакомый, но ты согласишься. Не первый снег разлуки... С тобой? Но кто ты?» Снег был густой, легкий и очень шел к древним стенам. Крупные хлопья. Снег будто не падал – не пелена, не стена, а снежная взвесь. «Белый мир... фраза расхожая, но она для меня». Любке улыбнулся – снежинки метелицей поденок кружились у самого лица. «Пожалел о том, что не надел светлые брюки и светлое пальто. Вот бы все удивлялись. Вот бы и она удивилась...» ²

Он встал на площади башни Паксарг. «Ты смеешься? Действительно, полная и стеснительная, зимой укрывается снегом, весной зарастает плющом». Куда дальше? Ему хотелось пройти по улице Осгой, иначе улице Прогульщиков, между старинным лазаретом Оливе и кварталом студенческих трактиров и клубов. Но он пересилил себя, пошел по Старой Морской, между двух крепостных стен, ставших стенами жилых домов. Стена из красного кирпича заросла девичьим виноградом, сейчас опавшим; другая, из серого камня, по-

² Погода в городе бывает в каждом районе своя – и всегда радует. Она всегда кстати. И никогда не бывает лето зимой или весна осенью. Поэтому многие животные, например лисички Орешагги, соблюдают времена года. Другие животные – ратмусы или паворимаги – всепогодны.

крыта мхом. Перед перекрестком темнел вечнозеленым кустарником и остролистами маленький сквер. Среди темной зелени стояли снежный парусник и снежные бабы. «Снежные матросы? Они движутся! Дети катают на санках одну, словно наряженную в белую матросскую робу».

Было тепло для зимы, и Любке снял кепи. Снег не таял в белых волосах. Он шел знакомыми улицами. Серый плитняк цоколей, фахверк, забеленный или покрытый темным лаком; красноватые или желтые охристые стены. Каменная гранитная штукатурка с искрами полупрозрачных камушков. Каэнглумская готика – темно-серое с белым; сдержанное северное рококо. Вполне современные хрустальные изыски, простой штукатуренный ампи́р и каэнглумский модерн. Заблудившиеся римские портики и настолько древние сооружения, что им не нашлось места в определителе.

Разноцветное золото окон и витрин, в одно стекло или в мелкий переплет; красные, зеленые, белые рамы, пестрые ящики для цветов. Любке остановился у окна бакалейной лавки. «Окно-калейдоскоп». Хозяин заметил и кивнул головой, приветствуя. На заснеженном карнизе у самой мостовой сидели две птицы. Жемчужно-серое оперение, антрацитовые головы, крылья и хвосты поблескивали на свету. У одной, побольше, клюв отливал синей сталью, у другой, поменьше, цыплячей латунию. «Смотри, похожи на праздничные игрушки. Каэнглумские вороны, они такие... потешные. Послушаем?»

– Внутри двуногий ошипанный!

– Не бойся, снаружи стекло!

– Что такое стекло?

– Такой плоский, тонкий, прозрачный, твердый воздух...

И ворона побольше застучала клювом.

– Видишь?

– Ничего не вижу... Ай, подходит!

– Смотри, смотри!

Стекло лопается. Ворона поменьше просунула голову внутрь.

– Ага, видала, ничего там нет!

Хозяин подошел ближе и нагнулся.

– Влетайте. Что сидеть в снегу?

...Фонари на чугунных, деревянных или железных столбах, крашенных в серый и черный цвет. Фонари в городе сохраняли: масляные, газовые, электрические. «Ездит ли сейчас Снайге зажигать и гасить фонари?» Любке вспомнил фонарщика, его маленькую тележку, похожую на кресло с колесиками, и ослика. Кованые вывески мастеров и цехов. Перед трактирами и магазинами древние темные доски, расписанные цветными мелками, – комиксы меню и объявлений. Двери, резные деревянные и обитые железом, полированные ручки желтого металла «...открывали и закрывали сотни лет. Свежая веселая древность!» – услышал Любке. Перед дверью в жилой дом, на углу Венналикку, стояли две высокие девицы. Одна, с золотистыми волосами, открывала

и закрывала дверь, другая, с гитарой за спиной, стояла рядом, склонив голову, прислушиваясь.

– Четырнадцатый век! Работа мастерской Антса, – пояснил мужчина, который успел выйти, пока девушка приоткрывала дверь.

– Ой, простите! – засмеялись девицы.

– Вам спасибо, Пирре! Дверной прибор той же работы. Само полотно эпохи принцессы Гасеннау. Pluteus – осадные дубовые щиты. С ними шли на приступ Вышгорода вооруженные схоластики.

– Отобрали, сделали двери! Пересхоластили схоластиков!

– Мотти?!

– Ой, простите! Пересоле... цистили! – веселились девушки. – Хорошая тема!

Не пройдя и двух домов, Любке услышал...

...Любке шел небыстро. «Заметила? Вверху сумрак, и весь свет со снегом собирается внизу, идем в золотом потоке». Люди также шли неспешно. Они гуляли под снегом, прохаживались. Разъезжали редкие автомобили и экипажи. Прозвенел трамвай, спускаясь по Большой Морской; зимой они останавливались на каждой остановке, летом двери не закрывались, и люди садились на ходу – трамваи ездили не очень быстро. Среди предпраздничной сутолоки Любке заметил: «Смотри, старая пролетка Матиаса. Ты удивляешься, что без седока? Лошадка удивительней». Кобылка посмотрела на Любке синим глазом – что только в нем не от-

разилось, – фыркнула; у колес пролетки мелькнули хвостатые тени. Любке почувствовал под ладонью лохматое и теплое, руку не отдернул, машинально погладил. Лохматое прошло рядом несколько шагов. Любке показалось, что это пес, а мимо прошмыгнул ратмус. На кончике хвоста кольцом он нес маленький сугробик. Подбегая к кобылке, ратмус штопором встряхнулся, обернулся, хапнул слетевший снежок, поймал задней лапой спицу, как стремя, махнул в кузов пролетки и укатил. И одного паворимага Любке увидел, тот стоял на задних лапах у цветочного магазина на Венналикку в окружении детей; дети бесстрашно дергали паворимага за иглы и показывали ему выставленные в витрине праздничные венки.³

³ Ратмусы, паворимаги. В событиях, описанных в этой повести, они, увы, не принимают участия. Ратмусы схожи с худой лохматой собакой. Обидчивы и опасны. Бесстрашны и дерзки. Навязчивая мысль о том, что люди, как отступники, обязаны отдавать долг, то есть делиться едой, позволяет им нападать на любого человека, принимающего пищу. Посещение ратмусами кухни часто заканчивается катастрофой. Однажды ратмус Сплайд оторвал у Стивена часть пирога. Потом разломил отнятое и отдал половину Стивену, сказав: «Видишь, отступник, как полезно делиться? Ты получил вдвое!» Паворимаг. Животное схоже с дикобразом. Как и ратмусы, смелы и отважны. Паворимаг может один на один выйти на дракона. Иногда погибает, давая себя проглотить. Погибает и дракон. Любят море и часто уходят в походы на парусниках каэнглумского флота. Простодушны. Однажды старейший паворимаг Ферусимаго Шайфера рассматривал игрушечного паворимага, иглы которого твердели при поглаживании, если ты хотел ими что-то прикрепить к доске. Старый Фери заметил фонарщику Снайге, когда тот прикалывал этой игрушкой объявление к дверям Магистрата: «Настоящий паворимаг никогда не уколет, если даст себя погладить». Существует городская загадка: стоя на площади, найти паворимага в ветвях дерева, которое

НАВРАП

Наврапы могут спать на лету, но этой особенностью не стоит пользоваться никому.

— Сны обгоняют сны, прядутся в косу, и коса рассыпается янтарным песком. Твердая скорлупа сжимается. Маргаритка и серп; Деметра любит кентавров, а я не люблю фриттату, но почему я не люблю меланж? Каменная скорлупа... Пробудись, вот и маяки Капштадта! Последняя надежда – город. Моя мечта и боль. Если не согласятся, я их так поздравлю с Праздником, выложусь – из кожи вылезу, и гольшиом! Надо подготовиться, никто не должен узнать обо мне раньше срока. А что я узнаю о себе? Большое змеиное заблуждение: достаток прямо пропорционален росту непреложной убежденности в правильности выбора схемы полета. Не менее устойчивая аберрация, что и наоборот. Что я порю? Нездоровится мне. Нет, неси, ветер! По ветру, по ветру! Начнем осмотр с форта – и кругами через Опустевшую часть к ратуше, там Антс на шпиле. Увековечили. Великий мастер. О златорукий, почему ты не родился позже? Интересно, кто меня встретит: Кире или Влад? Герои. Таксидермисты-прозекторы, драконофаги. Больны оба. Считают, что надо не относиться к змеям серьезно, – змеев это раздражает, они теряются и соверша-

держит мастер Антс, изображенный на флюгере ратушной башни. Ратмусы бегают везде, паворимаги селятся в овраге Расколотой Ели, но и те и другие часто крутятся в окрестностях Капштадта. Их манит море и коптильни Гадрау.

ют ошибки. Жуть двуногая, и ведь правы... Мало кто знает, что уязвимое место змея именно голова, не читали Книгу? Безграмотный чешиуеперстый ужас. Глотать их не переглотать... Эти-то знают, грамотеи. Тьфу, перед Праздником смутные мысли, как проглоченная мясорубка, и она работает, зараза. Город – вот спасение. Мотаюсь, как в вате. Крылышки мои, крылышки. ⁴

*Доски шиваем в щит боевой,
На стены под стрелы пойдем за мечтой.
От суеты не укроет щена!
В дверь перешьем тесины щита —
Быть может, мы в прятки играем с мечтой?*

⁴ Антс – легендарный житель Каэнглума, мастер на все руки, и в частности Мастер Детских Игрушек. Когда-то он помог спасти город от неминуемой гибели, отлив из бронзы дерево (в натуральную величину), на котором не было ни одного одинакового листа. Было это в... точно никто не помнит, но фигуру (Антс держит в одной руке дерево, как знамя, в другой – меч) на шпиле Старой ратуши установили в XVI веке, заменив ею фигуру грифона, выполненную когда-то самим Антсом. Тот флюгер не только поворачивался, но взмахивал крыльями и голосил при усилении ветра – отмечал балы по гадраской шкале. В кабинете Вышгородского дворца канцлер чуть приподнял брови – грифоны были составной частью герба каэнглумских князей, – но последствий не было. Фигура была помещена в музей Магистрата, потом передана в Вышгородскую девичью гимназию. На фронтон главного входа. Ученицы любили загадывать, сколько баллов показывает флюгер. Сами грифоны не забавлялись угадыванием породы металлического изображения. Этим занимались ученицы младших классов. «Но все-таки он похож на грифона-рысь. Такой же крикливый и дерганый», – утверждала Дори, осторожно оглядывая небо.

Улицы. Лабиринт, устроенный когда-то для защиты города и вышгородского замка. В то время каэнглумцы не совсем убедились в своей странной независимости и понастроили множество защитных сооружений. Но уже тогда лабиринт строился и для нескучных прогулок. Горожане расчетливы.

Старый город в крепостных стенах маленький, но не игрушечный, строгий нарядный город. Большая часть Каэнглума построена на склонах теснины реки Голхи. «Дома стоят очень уверенно. Можно ли так говорить о домах? Про себя можно».

Дома. Почти каждый имел свое имя, многие украшены росписями – историями города, историями самого дома. Снег застил, но Любке угадывал. «Три Брата». За серой каменной штукатуркой, как корни дерева, проявлялся каркас фахверка. Над самыми верхними, никогда не затворявшимися окнами чердака балки с блоками на конце и провисшими цепями, канатами от блоков в окна. Дома для себя и своих двух братьев построил некий человек; он пришел из страны, расположенной южнее Каэнглума. Братья искали его по всей Европе и нашли молодым, сами будучи уже старыми и больными. Младший брат ухаживал за ними, пока возраст их не сравнялся.

«Толстяк» — дом с высоким щипцом, вся стена в окнах, настоящих и прорезанных сграффито по штукатурке; последних было больше, и тоже с настоящими ставнями. «Ты спрашиваешь, кто такой был Толстяк? Булочник. Прозвище перешло к дому». История о фальшивых окнах, недовольных горожанах и любознательных всадниках. Всадники спустились с Вышгорода, желая подробно ознакомиться в магистрате с городскими порядками. Спустились сквозь Проломный спуск. Его и проломили всадники, так как основной, Лангбейн, был тщательно и наглухо заделан трудолюбивыми горожанами. «Ты спрашиваешь зачем? Расскажу позже. Всадники не достучались до хозяина. Он был советником магистрата, тогда обер-бургомистром. Если угадать настоящее окно в нижнем этаже, а оно в пекарню, и постучать, то откроют и угостят горячим хлебом. Время от времени пекари закладывают одно окно и разбирают другое. Попробуем?» Любке постучал и угадал. Дальше шел с бумажным пакетом. На белом пакете красный рисунок: дракон с выпученными глазами работает мехами у хлебопекарной печи.

Рядом «Тощий Сапожник». С одним рядом окон, одно над другим по узкому фасаду, от цоколя до самого верхнего пятого под коньком. Длинные окна в мелкий переплет. «Видишь? В одном, на втором этаже сохранились маленькие круглые разноцветные стекла. Их вынули из разных окон после пожара. Когда-то каждое окно имело свой цвет. Дом был самого сапожника, на него хватало историй. В доме не было

перекрытий и из полуподвала шла одна лестница, окна были на ее площадках. Дом и был построен для одной лестницы. Сам сапожник жил и работал в полуподвале. Говорили также, что он хотел поднять стену и лестницу... Да, ты догадлива, на два этажа выше».

Любке шел, вспоминал, сам себе и кому-то в мечтах рассказывал истории о тех странных и веселых людях. Вот очень старинный дом, здесь жил цирюльник, но дом назывался «Теща». Рассказывали, что цирюльник сам себе изготавливал инструменты, да такие, что были выставлены как шедевр на звание мастера. Инструменты признали и захотели принять в цех Кователей Каэнглума и Капштадта. Кузнецы сковали вывеску новому мастеру. Но теща цирюльника (в то время новоприезжая) не хотела быть тещей кузнеца. Зять ходил в Вышгород. Свои шеи ему подставляли многие, как она считала, знатные люди; заботливая дама не совсем разобралась в городском устройстве. Один ее брат был врачом, другой служил в магистрате, должности никто не помнит. Она уговорила всех. В утешение самому цирюльнику разрешили делать некоторые мелкие операции, кроме дозволенных кровопускания, установки пиявок и удаления мозолей. А также заказали ему инструменты. «Их можно увидеть в музее магистрата. Ювелирные изделия, непохожие на современные хирургические инструменты. Они обладают анестезирующим действием, что было проверено и в настоящее время. Ты смеешься... Хочешь проверить сама?» В утеше-

ние самой теще дали привилегию отказывать княжескому приглашению на завтрак. Она долго привыкала к тому, что в Вышгороде и самом дворце жили вполне обыкновенные люди: мастеровые, трубочисты, студенты и прочие – и все являются членами магистрата, а сами князья что-то вроде роскошной мебели. Другое о цирюльнике и лекаре ты сможешь узнать в хрестоматийной истории о времени принцессы Гасеннау в главе «О Пирожных». ⁵

⁵ Капштадт, иначе мыс Гадрау. Прибрежный район и рыбацкий поселок в устье реки Голхи и по побережью моря. Славен мастерами, легендами и копченой салакой; знаменитыми налетами ратмусов и паворимагов на гадрауские коптильни, один из которых вошел в историю местных краеведов под названием . Подобные события и в будни не редкость... Почему же именно этот остался в памяти с таким названием – загадка. Загадками являются не только события, явления, человеческие поступки, но и некоторые обитатели, предметы, вещи. *Большой праздник раздела добычи*

Город украшали к Празднику. Елочки в кадках уже появились, их обживали забежавшие на праздник лесные зверушки. Звучала предпраздничная музыка, подготовительная, тихая. Ночь не сделала город темным. Он оставался светлым от снега и света негаснущих окон, витрин, фонарей, самих жителей, забавно переносящих на плечах и головных уборах маленькие сугробы и почему-то не сбивавших снег, словно играли в «у кого выше и донесет ли до дома». Фигуры казались высокими в этих своеобразных маскарадных костюмах. Свет из витрин и окон без ставней подсвечивал их золотом и серебром; белые карнавальные бюсты, надетые на плечи.

Любке спускался улицей Кейха вдоль подпорных стен. Снег и отблески света скрывали темноту подворотен и проулков. «Снежная кисея скрывает особый Каэнглум. Смотри, арки в подпорных стенах – начала подземных ходов. Темные проулки и подворотни ведут на узкие переулки-лестницы. Осторожней! Они могут закончиться колодцем или переходом под рекой».

Пересек шумную Паксарг... За витринами – золотое сквозь серебряный снег – одежда к празднику и подарки. И на зиму не убирались маркизы и навесы, разноцветные полосатые с надписями: «Lilled, vanikud ja lillekimpude», «Велетский квас», «Küsten dunkles bier», «Gadrau records –

garolau newydd»... Плакаты театральные, цирковые и киноафиши; реклама, объявления. Например: «Новое собрание маскарадных костюмов и robe du soir Ланен». Или: «В бакалейной лавке на площади Пяти Улиц предпраздничная дегустация нового ликера „Ветус Туррис“». Любке остановился у яркого плаката «Mott and Picts Black Honey. It's not as obvious as it seems», увидел на нем знакомые лица. Двух девушек он узнал – те самые, которые забавлялись открыванием старинных дверей, третья, красноволосая, незнакома...

Сквозь Лазаретную башню, по переулку с тем же названием, прошел к собору Оливе. Собор был настолько велик, что увидеть его весь можно было только издалека. Вокруг собора кольцо скверов – завершения улиц. Фонтан и памятник. Деревья в белом. «Словно под простынями, – мелькнуло у меня в голове, и я огорчился». Огорчало Любке и то, что некоторые прохожие, как ни странно, оглядываются на него с настороженным недоумением. «Наверно, новоприезжие. И еще тревожило: паром и зев откинутой аппарели. Сгусток тумана скатился на пирс, белое в белое. Мысли не пришли в порядок. Почему простыни? Почему чудится, что снежными простынями накрыты кустарники спиреи, будто музейные экспонаты или те, кто лежит на металлических столах? За кустами прокатилось белое, мелькнуло и пропало. Дети катают снежные шары? За бульваром Старый лицей... Там родилась моя печаль. Хожу и говорю с ней». Любке обошел собор. «Деревянная раскрашенная статуя Олафа в угловой нише.

Его фонтан. Почему его? Не знаю. В воду подливают разноцветные сиропы. Струи в мороз замерзают, и можно сламывать вкусные леденцы». Постоял у надгробных крестов. Спустился под землю у Грифоньего моста. Любке удивляло, иногда возмущало, что подземный город так же ухожен и освещен, как и верхний. «Я долго искал „настоящие“ подземелья – и, конечно же, доискался... Попал на выводок головастиков ледяного дракона ляги. Ты испугалась? Да, опасные звери. И неприятные на вид. Тогда меня спас один из ларв башни Ветус Туррис. Каэнглум ограничивает любопытство. Если упорно искать границу города, можно найти и перейти, но трудно вернуться назад». ⁶

Любке проходил под арками подземных мостов Никола Фисетто. Никола создал их для... воды. Канал протекал

⁶ Ларвы. Ошибочное название, данное в древности, как часто бывает, приживается. Но они не обижаются. Полупрозрачные, напоминающие человека, хладнокровные обитатели башни Ветус Туррис. Опасные, но предсказуемые. Отвечают на добродушие или первые чувства мечтателей ярким разноцветным свечением. Ларва не отбрасывает тени, но разноцветные рефлексы. Предмет этюдов и упражнений юных каэнглумских художников. Ветус Туррис – самое высокое сооружение в Каэнглуме. Масштаб деталей позволяет предположить, что башня построена людьми несколько более высокими, чем нынешние жители города: многие проемы и окна башни застроены одноэтажным и двухэтажным жильем. К ступеням сохранившихся лестниц добавлены по две-три современных для удобства. Со многих ракурсов башня напоминает просто скалу. С нескольких сторон башня застроена домами и полезными сооружениями. Предназначение башни является предметом изучения и домыслов. А также шуток: считается, что все сказки о «маленьком народце» придумали первые обитатели этих мест – гиганты, прямые потомки «той самой семьи, коей было дано обетование при радости», когда часть людей уже мельчала и селилась рядом.

по прозрачному ложу, изготовленному капштадтскими стеклодувами. Замковые камни – хрусталь. Там, где канал был вплотную обстроен, где балконы зданий смыкались над каналом, вода текла по витражу с изображениями перспективы домов, стоящих наверху. Любке сел в кафе «Под миртовым мостом», попросил чаю в прозрачном стакане. Ел булочку, пил чай, смотрел вверх. При свете фонарей цветные картины переливались, играли красками, вода была прозрачна; здесь течение было быстрое. Вот один балкон чуть касается другого, а вот они «срослись»; соседи – юноша и девушка наконец-то поженились. «Когда создавали витражные картины, балконы вот этих домов не соединялись. В витраже были изображены влюбленные, они тянулись друг к другу над водой. Интересно посмотреть на дома теперь». В солнечный день или лунную ночь вид сверху проглядывал сквозь изображения. Зеркальный пол струился под ногами...

Поднялся на поверхность у перекрестка Пяти Улиц. Вот цветочный магазин, бакалейная лавка и рассылная контора Димитра Мендоса. Маленький книжный магазин. И очень старая гостиница «Тетушка Мима». «Мы можем остановиться и пожить у Мимы. Она гостеприимна и прекрасно готовит. Ее часто приглашали в Вышгород. Не знаю, как сейчас. Кафе на стрелке, разделяющее своей площадкой брусчатую улицу надвое. Кафе того времени, когда с „Темерариса“ сгрузили первые мешки с кофе». «Кафе Сольво» с крытой полуротондой для маленького оркестра на самом острие мы-

са. Любке узнал Длинного Сольво. В том же, до пят, военном пальто с гражданскими пуговицами и, как всегда, распахнутом. Любке не стал подходить, но остановился посмотреть, как Сольво лепит из снега музыкантов. Потом покроет льдом.

Поздний вечер, но все работало. «Ты говоришь, что хозяйева не хотят закрываться в такое хорошее время? Да. Приятно сидеть в теплых золотых помещениях, глядя в окно на падающий снег. Радуюсь редкому заснеженному посетителю, доброжелательно поглядывать, как гость долго сбивает снег в ярко освещенном застекленном тамбуре. Старые радужные стекла. Тебе не кажется, что в старинных рамах они выглядят многоцветными витражами?»

Навстречу шли трое. Высокий мужчина, одетый не совсем по-зимнему. В очень осеннем плаще и такой же шляпе, на полях которой успел собраться снег. Женщина, укутанная в теплую капштадтскую шаль, зеленую с синим, вытканную серебряными рыбками. И девушка. Она кружилась вокруг взрослых и пела песенку о снеге, о колоколах и подарках. Взрослые, смеясь, подхватывали. «Не дочь, скорее племянница». Проходя мимо, он отвернулся, но успел заметить — женщина внимательно посмотрела на него.

— Коста, я увидела...

— Да, Аннике?

— Когда я училась в Старом лицее, к нам приходили дружить мальчишки из вышгородской гимназии. Такой удиви-

тельный мальчик, юноша. Он был возраста Овит, из старших классов.

– Чем он был необычен?

– Он... был очень бел и с красными, нет, алыми глазами, цвета тех роз, которые ты для меня вырастил.

Коста оглянулся, но никого не увидел.

– Всегда задумчив, если не печален. Крупен и высок. Овит говорила, что он любит потайные ходы, кладбища, самые глубокие подземелья Ветус Туррис.

– Ты узнала его в прохожем?

– Мне показалось. Его не было видно... давно. Он вернулся с последней войны, немного жил в городе и опять куда-то уходил.

Коста засмеялся:

– С последней войны... Удивительно играет время в Канглуме.

Девушка спросила:

– Вы весело встревожены. Опять пропустила начало истории?

– Вот не знаю, Дори, начало или нет, но история вполне может начаться.

НАВРАП

– *Вот и форт. Милитаристы комолие. Далее гавани, причалы. Видны как на ладони. Где моя «Инсоленция»? В разлете... Не берегут тебя, моя златосеребряная. Не забьются о тебе, мечта моих ступеней, которых у меня*

и нету... Безместное детство – колыбель смуты и темной перспективы... О, старая калоша «Фидуцей» в доке! Раз, два... чetypeпять. Все мачты на месте. Осыпавшийся еловый лес... Бурелом. Что взять с этого жуткого многоэтажного монстра? Разве что пушки чистый поликсен с Дальних островов. Говорят, у старого князя Акселя яхта блещет, чем «Инсоленция», мое златосеребряное возжеление! Врут. Кто может сравниться с тобой? И смотреть не буду на ту аксиальную полулайбу, чтобы не портить зрение и возвышенный аппетит. Янтарный полуостров. Почему «полу»? Все у них не так, все наполовину. Как хочется перепхать эти янтарные рощи. Зарыться в солнечных брызгах!

Порыв ветра на миг раскроил облака, и месяц осветил город. Снег не держался на остроконечных крышах и шпильях, освещенные улицы казались золотыми реками в темных берегах.

– Не экономят на топливе и электричестве. Транжирь. Золотые строчки улиц... не прочесть. Вириш как в той игре: каждый дописывает свою фразу, не читая предыдущую. Шея скрутится – попасть в такой переплет. Как они перемещаются?

Любке решил пройти сквозь контору Мендоса и спуститься по Стоступенной лестнице к площади Звезды, посмотреть на хрустальный купол, перекрывающий площадь, и оттуда уж пойти к Новым воротам.

Его обогнала высокая тонкая дама в длинном бледно-зеленом пальто. В облаке пакетов и коробок. Пролетая мимо, будто не владея ногами, лишь выгнулась оглянуться; заплаканные глаза и виноватый взгляд, иссиня-ночного цвета лицо, пышные каштановые в золото волосы, светло-голубые глаза; белый снежный шарф из велетского батиста. «Говорят, вытканый снежинками, и ни одной одинаковой. Удивительно, как она похожа на того матроса с парома!»

– Excusez-moi, mon seigneur. Mais je urgence, tout à coup, il est nécessaire! Aussitôt que possible!

Дама остановилась возле конторы. Любке открыл перед ней зеркальную дверь, музыкальная машинка пропела о ра-нах любви, и дама залетела в помещение, за ней вошел Любке.

– Mille fois merci, mon seigneur! У вас есть чего-нибудь стреляющее? Я забыла в спешке дома. Ах, все равно не разбираюсь... где, что и куда нажимать. Димитр, а у тебя? Неважно... Упакуйте, отправьте меня! Они одни в джунглях среди тропических приключений, всегда таких опасных!

Эпидемии и наемники, лихорадки и работоторговцы, ужасные насекомые с жуткой... как называется пистолет с ветеринарным именем? Не пистолет – револьвер? Такое, как у Стивена? Хеле такая смелая! Ина, милая, здравствуй! Я так и знала, что тебе подойдет! Не правда ли, господа? Серебро, жемчуг и лиловое... Повернись. Как говорит мадам Ланен, без сомнений!

– Орти, милая, возьми платок, ты выплачешь все драгоценные слезы. Твоим ничего не останется! Бальзам, а не слезы.

– Спасибо, Ина. О, твой пирог – панацея! Как ты чудесно внимательна. Димитр... Прошу... Одиноким в лианах... Мои мальчики... Они не смогут без меня...

– Велло, большую коробку, подушку и то стеганое одеяло...

Велло, парень среднего роста, с веселым спокойным лицом, появился в конторе, тут же исчез в каких-то внутренних помещениях и опять появился с большой коробкой почтового цвета, стегаными подушкой и одеялом.

– С красными розами? – спросила дама, умачиваясь.

«Интересная коробка, – удивился Любке. – Все вместились».

– Обязательно с розами, Орти! Красное на белом. Ина, пожалуйста, термос и кофе. Вязание, книги, винтовка, что еще? Да, пирог.

– Все замечательно, Димитр, спасибо. Спасибо, Ина. Спа-

сибо, Велло. И вам, сударь. Если можно, еще маленький пузырек смарагдовой зелени. И коробочку пуль Сметливого Охотника. На всякий случай...

Крышка закрылась с облегченным вздохом. Опять открылась.

– Совсем забыла, я удрала от Зигфрида, но вы ведь не скажете? Разве что потом... Он бы попросился, а ему нельзя бросать башенный *chronomètre*...

Орти крышку закрыла, потом снова приоткрыла.

– Хорошо, скажите ему. Все же я старше.

Крышка закрылась. Димитр отворил дверь, и, к удивлению Любке, Велло справился с коробкой один; но не удивился тому, что в проеме увидел синие глаза кобылки Матиаса.

– Здравствуй, Виерд, – между делом поздоровался Димитр так, словно только вчера они пили кофе у Сольво.

– Здравствуй, Димитр, здравствуй, Ина, – так же просто ответил Любке, – решил нарочно сойти по Стоступенной улице. Вас приятно видеть.

– Посидишь?

– Прости, багаж ждет в гостинице. Обязательно зайду. Димитр, та дама в зеленом... знакомое лицо.

– Орти? Ортруна, старшая сестра Зигфрида, механика – смотрителя часов на Ратушной башне, он по совместительству палубный матрос на пароме «Гадрау». Ее сын и муж сейчас в Африке. Экологическая экспедиция. Тебя давно не было, Виерд.

НАВРАП

– Кто там, в облаке? Котоптица? Дернуть за хвост! Нет, мереицится. Флюгер. Понатыкали. Котоптица... ка-энглумская дразнилка грифонов. «Кот по небу носится, куриными яйцами носится. Космата грива львиная, да башка куриная...» и прочее занимательное творчество. Не рекомендуется к употреблению человекам мужского пола старше семи лет. Для женщин и девиц грифоны делают исключение, некоторых дам этим обижают. Теперь над Кельдер и к Новым воротам...

ЛЮБКЕ

Любке попрощался, прошел контору. Впереди внизу светился задний фасад театра. Стоступенная улица казалась продолжением кулис – всегда перед премьерой. Театральная улица. «Оставлю на праздник, как и улицу Осгой». Любке завернул влево на переулок-лестницу, решив спуститься на Кельдер здесь, и сразу попал в Опустевшую часть города... В полной темноте, еле просвеченной редкими фонарями, город оставался белым. Но, уходя все дальше, Любке, как ему казалось, прощался со светом. Белый снег не освещал стен, не светился в тупиках и подворотнях. «Надо же? Почему это вдруг?» Тревожное настроение плавно перешло в настроение ожидания чего-то интересного, если не опасного. «От опасения, что опять не сбудется? Наверно, этим мечта очищается, превращается в надежду. Надежда воспитывается терпением. Неужели сама мечта – препятствие к сча-

стью?» Снег не светился, снег стал просто белым.

О каэнглумском снеге рассказывали сказки. Снег мог согреть, укрыв на ночь опоздавшего домой, но мог завернуть в саван...

Дома становились темнее, прохожие не встречались. Улица Кельдер сузилась до тропинки из-за сугробов. Шел медленно, вглядываясь в темень подворотен, проулков и тупиков.

«Неужели, чтобы не бояться, надо туда не смотреть?» – вспоминая детские вопросы, размышлял Любке. Мелькнуло в переулке и пропало. «Кто здесь катает снежные шары?»

Под сводом подворотни светился синеватый фонарь. «Медицинский вертеп?» Две высокие фигуры быстро прошли в арку, их головы вспыхнули финикийским древним пурпуром.

Окна закрыты, двери занесены метелью. Любке вспомнил сказку о говорящих дверях. Дверь под вывеской цветочного магазина приоткрыта, и было видно, как намело внутрь.

Фонари светились, но слабо освещали.

Снег засеребрился, вскинулся прядью; светлое пятно перескочило с сугроба на сугроб и пропало. «Отражение? Открыли окно?» Ни звука. «Луна проглянула? Нет, облака низко и сами неярко подсвечиваются городом».

Любке переходил из одного конуса света в другой.

Он слышал за спиной стук, четыре раза – часто, словно деревянной ложкой по деревянной миске. Не обратил вни-

мания поначалу. Потом все-таки обернулся и никого не увидел. Через некоторое время стук повторился; так же часто простучали четыре раза. «Какой сухой стук в снегу?» Любке еще раз обернулся, даже прошелся немного назад. Кроме его следов, на улице не было ничьих. Ни одна тень не пробежала по стенам и снежным сугробам.

Приоткрытая дверь цветочного магазина примерзла. Любке услышал тихий голос. Невнятный женский. Он осмотрелся и никого не увидел. Посмотрел в проем. Чуть различим прилавок. За ним стояли...

«...Белый кувшин и забытый букет увядших цветов». Голос стал настойчивым. Любке медленно обернулся. Голос шел из-под навеса уличного телефона. Трубка, снятая с рычага, висела и чуть покачивалась.

«Голос телефонистки», – успокоился Любке. Не слушая, повесил трубку. Голос слетел эхом: «...Ты такое чудесное совпадение...» Блеснуло по эбониту и исчезло. Фрисландец оглядел окна домов: «Как нарисованные». Спустился ниже. Дома расступились, давая улице разойтись в площадь. Площадь с трех сторон огорожена домом с новой мансардой. Узкие высокие подворотни в углах закрыты коваными решетками ворот. С четвертой стороны вдоль улицы стоял дом без названия с многоколонным портиком, поднятым на высокий, без окон цоколь. Не парадная, для разезда автомобилей, конных экипажей, подъезда почтовых и прочих карет; мусорных баков в глубине от улицы. Были и скамеечки.

На площади пусто. Окна в домах темны.

Белый квадрат освещался одним фонарем. Баки стояли в ряд по дальней от улицы средней стороне дома, у самой стены. Скамейки были пусты, вернее, засыпаны снегом. Улица безлюдна в обоих направлениях, только перспектива конусов света фонарей в падающем снегу.

У одного бака кто-то откинул крышку и искал, перегнувшись через край...

Дежурный Матиас с горячим кофейником в одной руке и корзиной с дровами в другой, пройдя мимо открытого кабинета Мозаик, не удержался и заглянул. Так взглянул бы и на барометр. У стола стоял Александер. На краю стола сидел Стивен. «Александер как на парадном приеме. Всегда. И Стивен – пареньком на заборе. Значит, пока все в порядке. Спросить? Знают ли? Если знают, сами скажут, если нет, то... По виду не похоже, что знают. Повременю». Матиас глянул и пошел дальше по галерее.

Стивен одет всегда так, будто донашивал костюм перед тем, как его выбросить; чистый, но никогда не глаженный. Вязанная супругой безрукавка, каждую неделю разная. Ботинки на толстой подошве с носками-пузырями. Всегда очки – толстые стекла. Очки сидели криво. Он сам не знал почему. Внешность молодого учителя гимназии. В левом, наружном кармане торчала, не помещаясь, рукоять оружия. Вид странный: то ли оружие было большим, то ли карман мал. Костюм сидел на нем мешковато. Оружие не было похоже на оружие в таком положении. Что-то, чем разбивают орехи или что-то заколачивают.⁷

⁷ Оружие Стивена известно всему городу и всегда находит применение хоть раз в день. Стволom могли открыть засов старых ворот башни Паксарг – отверстие замка случайно совпадало с профилем граненого ствола и мушки. Стволom же

Александр спросил ровным голосом, глядя в окно на снег, когда придет тот человек из... как сейчас называется страна, которая раньше называлась Фрисландия?

Стивен ответил сложным вопросом:

– Через трое суток? Так сообщили в телеграмме?

Матиас вернулся от секретаря и постучал о косяк двери.

– Входите, открыто, – без выражения разрешил Александр.

– В городе происшествие на площади Новой ратуши, – сообщил Матиас и вывалил дрова у камина. – Четверть часа назад, как уведомили в магистрате.

Стивен улыбнулся Матиасу, но обратился к Александру:

– Неплохо? Тем более в такую погоду.

– По времени для сообщения хорошо, в остальном плохо, – тем же невыразительным голосом сказал Александр.

– Что может быть, если не... не...

– Большое несчастье, – так же спокойно закончил за Стивена Александр, вставая из-за стола. – Матти прости, не ставь кофейник.

– Да. Как же оставаться дома в такую прекрасную погоду!

гнули или выпрямляли гвозди. Пользуясь защитной скобой и спусковым крючком, отворачивали гайки разных калибров. В гнездах для патронов Хеле иногда прятала мелкие предметы для рукоделия, а Стивен – рыболовные крючки. Что однажды спасло князя Каэнглума и грифона, оказавшегося поблизости, а историю города от неудобного поворота. Мало ли на что годился этот сложный предмет. Конечно, Стивен мог и стрелять из него. И стрелял он прекрасно, если так можно сказать о стрельбе.

Александр рассматривал снег, летевший за высоким окном, и плавно повел ладонью перед собой, словно пробуя воздух на упругость.

– Почему снег не тает, попадая под свет окна? – спросил Стивен.

– Не знаю. Загадка достойная. Но каким образом в эти пятнадцать минут уложилось происшествие и реакция магистрата? Что не менее таинственно, чем не тающий под фонарями снег.

– И само происшествие.

– Пока едем, постарайся придумать о времени и возможности. Самое фантастическое. Новая ратуша не так близко от Старой, а Опустевшая часть завалена снегом.

Можно было пройти пешком, но захотелось прокатиться в снегу. Лошадки Матиаса у ратуши не заметили, и Матиас повел старый автомобиль магистрата. Решили поехать мимо Нижнего рыбного рынка, чтобы выехать на Приозерную, завернуть на Ринги и мимо театра проехать к той самой площади.

– С кормы и наветренной стороны, – пояснил Матиас.

– Ты пират, Матти, – засмеялся Стивен.

Александр промолчал.

– Фантастика? Пожалуй... – Стивен глядел в окно автомобиля на снег, летящий параллельно земле, но по ходу движения. «Попутный снег... Необъяснимое явление, как дождь над Сахарой». – Советник магистрата лично сообщил посто-

вому о происшествии. Как свидетель. Им может быть Мауриц, он живет неподалеку. Конец спектакля – прогулка – происшествие. Советник магистрата после сообщения о происшествии указал на необходимость передонести лично тебе. Тогда тот же Мауриц. Он живет неподалеку. Конец спектакля. Прогулка... Советник магистрата...

– Прости, Стивен, пока достаточно.

– Советников? – спросил Матиас. – Поскольку в совете магистрата весь город, можно себя не ограничивать, выбирая самое фантастическое.

– Только один третий фантастический случай! – попробовал обидеться Стивен, но не получилось.

– Постовой – Вайно, племянник советника Лойта Тенделя, но он сегодня не дежурит. Его внеурочное дежурство было бы не самым, но чрезмерно фантастичным, – утешил Матиас.

– Точно. Я и чрезмерность имею в виду, – вздохнул Стивен.

«Я отдал билет бабушке», – думал Александер. «В спектакле играет Олга. Как могла она отказать? Маленькую роль написали для нее за утро. Всем понравилось. Ведущие актрисы приобрели, как они сказали, новые оттенки. „Алина“ и „Хильда“ радовались: „Олга, мы без тебя так не сверкали“. Интересно было бы посмотреть. Как она ходит по сцене, играет свою роль вне самого спектакля. Никому не мешая. Может, она венки на шпиле или одна из сгоревших кукол?

Златосеребряная, голубые хрустальные глаза. Представляю, что сказал бы автор, – думал Александер, вспоминая историю размолвки драматурга и художника, рассказанную Мендосом от лица самого живописца. – Что за мысли сегодня?»

НАВРАП

– Новые ворота? Ага, новое сооружение. Человеческий торс? Портновская пандора. Бесстрашный зодчий. Фу, опять половина сикось-накось. Что с ними делать... А что там рядом? Золотой автомобиль! Нет, серебро. Обман... опять обман, иллюзии – рудименты тонкого ума. Легкий желудок не трезвит. Что бы там ни говорили, голод – отец заблуждений...

«Трехэтажный дом вытянули в башню... Все же не трещина и не разошедшийся шов, а разрез платья, – глядя на светящуюся линию окон, подумал Любке. – Слышал о нем – зодчий и портной Бодри... Интересно посмотреть на его платья, на что похожи они, если дом похож на портновский манекен».

За гостиницей – темень и чуть угадывались дома нового района, такого же темного, как и Опустевшая часть, но темнее и менее каменного. У серебряного автомобиля плоская высокая фигура. В чем-то длинном. Стройный силуэт. Плотнo укутанная красным голова. «А ведь это женщина», – понял Любке. Стояла неподвижно, опустил длинные руки. Любке остановился, фигура не шевелилась. «Может, такой куст или часть забора? А какой здесь забор?» Потянуло подойти поближе, разглядеть лицо, отсюда оно выглядело серым пятном. Пересилил себя и пошел дальше, но оглянулся: «Такая плоская? Снега нет ни на прямых плечах, ни на голове. Словно от нее остался только вертикальный срез, но бывают только горизонтальные... Да что ж за мысли?!» Пробежала маленькая собачка. Породистая. Забавная. Такая маленькая – только кисточка хвоста и две кисточки ушей. Любке улыбнулся и успокоился. Вот только показалось, тень гостиницы сдвинулась, опять вернулась на место; снег посвет-

лел и погас. «Светлые тени? Свет облаков? Разве так бывает?»

Пусто и светло. Дежурный разохался, позвал кого-то, пришла горничная, приняла у Любке женщину и увела. Дежурный подал ключ. Рассказывал о багаже. Все делал медленно, будто хотел досмотреть кадры занимательного фильма.

Горничная вошла. Стройная, худенькая девушка. Ее явно предупредили. Зашла под надуманным предлогом – нет салфеток на столе для позднего ужина. Дверь в ванную комнату открыта. Увидела клубы пара и кого-то белее пара, белее кафеля. Кто-то заполнял всю ванную, в высоту от края ванны до потолка, смывал с себя туман, снежную пелену... Алые глаза, большие и строгие. Очень тихий, но внятный голос. Горничная стояла как столб, несмотря на то что голос мягко предложил ей покинуть помещение, закрыв за собой дверь номера.

Вылетев, она запомнила все же: голос попросил ее не закрывать дверь ванной комнаты, что она собралась было сделать.

В коридоре, пустом, сквозном – от одного торца здания до другого, тихом и стерильно светлом, ее ждал дежурный с тележкой.

– Ну как?

– Ох... – только и могла выдохнуть горничная.

– А я что говорю! А мне туда еще идти, понимаешь?

– Да.

– Так-то... – Дежурный покатил тележку к номеру. «Кого к нам заносит? Жили мы, жили...»

Горничная, совсем молодая девушка, стояла у окна в конце коридора. Скошенное окно высотой от пола до потолка; девушка смотрела на снег, на город. За темным провалом Опустевшей части светилась Ратушная площадь. Сетка огоньков вязалась по улицам из темени и сходилась в неяркое пятно неправильной формы. Выше сверкали иллюминированные дворцы Вышгорода.

Ей не было страшно.

Было непривычно.

Ей стало непривычно.

Думала и улыбалась... Она увидела внизу серебряный автомобиль, разглядела филигранные узоры. Девушка и им улыбнулась...

Подъехали к площади.

– Обидно немного. Как ребенку. Когда фантастические предположения проявляются таким образом, – вздыхал Стивен.

Их встретили: постовой Вайно, фонарщик Снайге и советник магистрата Мауриц. Они стояли на краю белой заснеженной площади под фонарем, не вступая на белое поле. От них в сторону мусорных баков по диагонали тянулся пунктир следов. Ни одного огня в окнах. Вдоль улиц ни человека. Александер отметил, что рядом со Снайге нет постоянных тележки и ослика.

Александер подошел к группе стоявших. Поздоровался и замолчал, выжидая. Стивен обходил площадь по периметру. Подсвечивал себе под ноги и вокруг карманным фонариком. Старым, прямоугольным, зеленого цвета. С тремя светофильтрами. И баловался по пути, меняя цвет.

– Там! Второй бак слева! – крикнул Вайно и уже тише – Александеру: – Проходил по Кельдер вдоль площади, заметил неладное и подошел посмотреть. Не хотел идти по снегу, но пришлось. На улице встретил Маурица и дядю Лойта. Они возвращались из театра. Сообщил им о случившемся, а они попросили позвонить тебе в магистрат. Вот и позвонил. Потом подошел Снайге. Калояна все равно нет на месте,

он гостит в Гадрау. Дядя ушел, Мауриц остался.⁸

«Откуда позвонил Вайно?» – удивился Александер.

Стивен обошел площадь, встал на углу, осветил баки.

Человек по пояс перегнулся через край внутрь бака, крышка закрыта, заметно выгнута.

Он... передавлен? Стивен был так ошеломлен, что продолжал играть сменой фильтров, освещая место, пока Александер, подойдя к нему, не отобрал фонарик. Так не хотелось Александеру подходить по белому снегу к тому баку...

– Он жив! Вайно, Снайге!

Матиас уже подкатывал автомобиль, Вайно и Снайге осторожно вносили раненого в кузов. Вайно оглянулся: «Телефон старый уличный, на углу Кельдер и Ласкумине, у цветочного магазина. Звонил оттуда».

Маурицу привычно этакое насвистывающее выражение на лице, но сегодня он будто потерял мелодию и пытался найти подходящую. Мауриц теребил ворот мехового пальто; мелькало белое и золотое под красным кашне.

– Я был один. Я пошел в театр один, как хорошо, что я был один. Что это, Александер! Как понять? Зачем?

Александер не отвечал, осветил фонариком снег возле ба-

⁸ Калоян, житель района Фисетто, мастер музыкальных инструментов, иногда помогает в театре. По совместительству комиссар магистрата. Было замечено, что его знаменитая гайда иногда играет сама по себе. Стивен не раз сидел в засаде, но так и не увидел того, кто надувает мех Калояновой гайды. Это не редкость среди знаменитых вещей Каэнглума, таких как револьвер Стивена или тувельки госпожи Овит. Или драгоценностей Вышгорода, например венец княгини Ирене.

ков со стороны улицы. Баки стояли в гряде темноватого сугроба, наметенного с тротуара, как башни в стене. Странные следы обнаружились, припорошенные снегом. «Везли санки? Две полосы... Двое людей по бокам, ступая нога в ногу мелкими шагами... Стараясь идти ровно, по одной линии. Маленькие следы. Дети? Две маленькие женщины? Или очень маленькие люди в клумпах... Как весело они стучат по брусчатке летом... Маленькие копытца? Вот следы остановились возле бака, того самого... и что-то там произошло... Где Снайге оставил своего ослика и тележку? А Вайно? Вайно... такой предупредительный». Александр огляделся вокруг; в этажах дома, окружавшего площадь прямоугольной скобой, и в глубине улиц, выходящих на площадь, ни огонька... Дом без названия стоял как глухой забор. Шум Стоступенной улицы сюда не доносился. «Никогда не заглядывал во двор дома Новой ратуши или дома без названия, как его чаще называли. Странной дорогой возвращались из театра господ советники. Странные приключения перед Праздником, какие-то не такие. Странные мысли лезут, не предпраздничные. Но может быть, такими они должны быть? Три раза или больше я произнес слово „странно“?» – думал Александр.

– Господин Мауриц, как вам спектакль?

– Зачем? Какой спектакль? Да, спектакль. Пьеса так нравится госпоже Мауриц. – Тут он засмутился, глянув на Александра, тот смотрел на серые колонны дома без на-

звания. – Новый персонаж, новая роль вставлена неожиданно и вовсе не портит пьесу! Что бы сказала супруга? Но что скажут советники магистрата, горожане? Тем более все они и есть советники. Что скажут Эйно и Ирене? Но, увы, ничего не скажут. Никогда перед Праздником не случилось ничего подобного. Подобные вещи и вне праздников редкость.

«Он сказал не „события“, не „происшествия“, а „вещи“...редкие вещи в будни... Разве только праздники достойны редких вещей, тем более несчастий?»

– Александер, Опустевшая часть – пустые комнаты в подаренном нам доме. Мы не знаем, для кого они приготовлены. Не отказываем приезжим. Может быть, пришло время? Но ты знаешь, чем кончился отказ «тысячу лет» назад... Их высочества Эйно и Ирене молчат; Ирене не оживляет заседания магистрата: «Ах, друзья, я в этом ничего не понимаю!» Никто не ответит: «Мудрая мысль, ваше высочество». Ее улыбка возвышала рыночные дебаты до состязания миннезингеров. Сегодня Эйно и Ирене были в театре. Пьеса им понравилась, хлопали в ладоши, как дети, хотя сочинение совсем не детское. И сейчас, – Мауриц поглядел в сторону крыш городского дворца, – они вечерают в замке со всей труппой в счастливом неведении! Только бы не испортить им ужин... – Мауриц с досадой дернул что-то под пальто, и опять блеснуло золотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.